Круглый стол в редакции журнала на тему «В чем научность теологии?»

What Is the Scientific Status of Theology as a Discipline? Round-Table in the Editorial Office of the Journal

This is the text of a discussion organized by the Editorial Board of this journal on December 9th, 2015. The debate was devoted to the issue of scientific status of theology and the place of theology among other academic disciplines. Participants of this discussion: historian Olga Vasil'eva (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, since 2016 — Minister of Education and Science of the Russian Federation), philologist Nikolay Grintser (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), historian Askold Ivanchik (corresponding member of the Russian Academy of Sciences); sociologist Boris Knorre (Higher School of Economics), philosopher Svetlana Konacheva (Russian State University of the Humanities); Alexander Kyrlezhev (scientific editor of this journal); theologian Konstantin Polskov (St.-Tikhon's Orthodox University), scholar of religion Vladislav Razdiakonov (Russian State University of the Humanities); theologian Andrey Shishkov (SS Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies).

Keywords: theology, higher education, Russia, criteria of science, philosophy of science, falsifiability.

В декабре 2015 года редакция журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» совместно с Центром «Религия и общество» (Институт общественных наук РАНХиГС) провела круглый стол, посвященный вопросу о научности теологии. Ниже мы публикуем стенограмму состоявшейся дискуссии, модератором которой выступил главный редактор нашего журнала Дмитрий Узланер.

В круглом столе приняли участие: Ольга Васильева, *доктор исторических наук, зав. кафедрой государственно-конфессиональных отношений РАНХиГС (ныне — министр образования и науки РФ);* Николай Гринцер, *доктор филологических наук, директор Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС;* Аскольд Иванчик, *доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель Центра сравни-*

тельного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН; Борис Кнорре, *кандидат философских наук, доцент НИУ-ВШЭ;* Светлана Коначева, *доктор философских наук, зав. кафедрой современных проблем философии РГГУ;* Александр Кырлежев, *научный редактор журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом»;* Константин Польсков, *протоиерей, кандидат философских наук, проректор ПСТГУ по научной работе;* Владислав Раздъяконов, *кандидат исторических наук, доцент Центра изучения религий РГГУ;* Андрей Шишков, *научный сотрудник Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. Кирилла и Мефодия (ныне секретарь Синодальной библейско-богословской комиссии РПЦ).*

* * *

Дмитрий Узланер: Недавно теология была признана научной дисциплиной, что предполагает присвоение соответствующих научных степеней. В ходе нашей дискуссии мы хотели бы совместными усилиями выяснить, в чем собственно состоит *научность* теологии.

Мнения по вопросу о научности теологии, которые мы слышим, мне представляются неудовлетворительными.

Если брать классическую религиоведческую позицию, критическую по отношению к теологии, то, на мой взгляд, в ее основе лежит наивный позитивизм. Есть наука, к которой себя относит религиоведение, и есть не-наука, которой объявляется теология, и критерии научности здесь сугубо позитивистские. Слабость этой позиции заключается в том, что представители естественных наук нередко и гуманитарным наукам отказывают в праве быть наукой. Так, в одной из радиопередач участвовал физик, который, когда его спросили о теологии, сказал примерно следующее: «А что теология? Я не против. Одной псевдонаукой больше, одной псевдонаукой меньше. Есть же у нас филология в качестве науки, так почему бы и теологии не быть?» И это довольно распространенный подход. Или возьмем, например, мнение Ричарда Докинза. Он — известный представитель эволюционной биологии, но при этом его позиция в отношении гуманитарных наук точно такая же: это вообще не науки; и, в частности, религиоведение — это не наука, а какое-то соглашательство с попами, потому что понятно, что на самом деле религия — это всего лишь невежество и ничего больше за ней нет...

Наивная позитивистская установка выдвигает против теологии такие критерии, как верифицируемость, фальсифицируемость, объективность и так далее. Однако встает вопрос: работают ли эти критерии в гуманитарных науках? Не уничтожает ли такой подход гуманитарное знание как таковое? Поэтому, если мы пытаемся доказать, что теология — это не наука, то мы должны предложить какое-то тонкое различение, которое позволит нам, с одной стороны, не уничтожать научность гуманитарного знания, а с другой стороны, как-то отделить его от теологии. Или наоборот: сказать, что есть единое пространство гуманитарного знания, частью которого является теология.

Если же говорить о позиции теологов, то она тоже не до конца ясна, потому что до сих пор непонятно, что такое теология. Несмотря на то, что она официально признана. Что изучают теологи? В чем состоят предмет, объект, метод теологии? И как теология соотносит себя с другими гуманитарными науками, в том числе с религиоведением? Например, в некоторых провинциальных университетах существуют кафедры, которые называются кафедрами теологии и религиоведения. Поговорив с представителями таких кафедр, я понял, что они никак не разделяют теологию и религиоведение. А на одном из соответствующих сайтов я прочитал, что задача кафедры заключается в том, чтобы готовить выпускников к катехизаторской работе. Но религиовед вряд ли должен заниматься катехизаторской работой. Иначе говоря, различение между теологией и религиоведением не проведено, и теологическая специфика не прояснена.

На самом деле мы сегодня являемся свидетелями конструирования теологии. И поэтому нам надо разобраться с тем, что представляет собой эта теология и чем она собирается заниматься в научном пространстве, в частности, в университете.

И последнее вводное замечание. Недавно я прочитал в «Независимой газете» статью о теологии, которая была проиллюстрирована фотографией, на которой патриарх смотрит в микроскоп. Таким образом создается странное представление, что теология — это какая-то естественнонаучная дисциплина, которая находится в диалоге с биологией, физикой, химией. Это представление усиливается фактом учреждения кафедры теологии в МИФИ. Но мне кажется, что если теология — наука, то это гуманитарная наука, которая должна находиться в ряду других гуманитарных наук, и было бы правильнее, чтобы ее иллюстрировала фотогра-

фия, на которой патриарх читает, скажем, Макса Вебера или Карла Маркса...

Мы собрались здесь, чтобы постараться ответить на вопрос о том, каковы критерии научности гуманитарного знания и применимы ли они к теологии.

Константин Польсков: Пытаясь ответить на этот вопрос, хотел бы заметить, что на ход полемики вокруг научности теологии влияют и совершенно ненаучные вопросы. Если была бы другая возможность легализации церковной науки (назовем ее так), то, наверное, не столь острым был бы вопрос о включении ее в перечень ВАК, вопрос о научных степенях и так далее. Например, нельзя участвовать в коллективной работе, если у тебя нет признанной степени; если ты какой-то доктор богословия, то просто не дадут грант всей команде. С другой стороны, по прошествии почти 25 лет присутствия теологии в нашей высшей школе, действительно, нужно разобраться с ее научностью. Хотя здесь теологи не одиноки. Например, я не раз слышал на собраниях коллег-религиоведов, что и они — по крайней мере некоторые из них — не очень понимают, что такое религиоведение. Мне кажется, что однозначный ответ на вопрос, является ли теология наукой, невозможен, потому что прежде нужно выяснить, что мы понимаем под наукой и что мы понимаем под теологией. В противном случае спор будет продолжаться до бесконечности.

Е.С. Элбакян в своем интервью говорит, что наука менялась, но при этом дает определение теологии, которое восходит, наверное, к Фоме Аквинскому: теология как наука о Боге. В свою очередь К.М. Антонов справедливо замечает, что такое понимание — анахронизм. Сейчас невозможно определять науку в тех терминах, которые были актуальны пять-семь веков назад, то есть не учитывая изменения смысла терминов «наука» и «богословие». После тех процессов, которые происходили в европейском культурном пространстве при переходе к модерну, изменилось понимание как науки, так и теологии. Сама теология долго не понимала, что она такое, и сегодня этот термин имеет разные значения. (Отсылаю здесь, в частности, к весьма содержательной статье А.И. Кырлежева «Что такое богословие?», опубликованной в 2009 г. в журнале «Континент», № 140.)

С одной стороны, есть некоторое вероучительное ядро, и ему соответствует богословие как рассуждение о догматах, которые,

будучи сформулированы церковью, уже не могут быть изменены. С другой стороны, к богословию относится ряд церковных наук: библеистика, история церкви, историческая литургика и др., которые следуют методам гуманитарных наук. Но при этом остается нечто третье — общее смысловое поле богословия. В этом, третьем, значении теология есть осмысление сообществом верующих своего опыта религиозной веры. И в этом смысле богословие — открыто. Оно есть то пространство, где у верующих людей рождаются вопросы о своей вере, однако — в связи с нормативными утверждениями религиозной традиции.

Если вернуться к вопросу о научности, то богословие в форме конкретных дисциплин пользуется методами всех смежных гуманитарных наук, и в этом ничего зазорного для богословия нет. Ни один уважающий себя богослов сегодня не обойдется без филологии, истории, статистических данных, социологии и т.д. В этом отношении научность теологии подобна научности филологов, историков и других гуманитариев: теолог проходит тот же бахтинский путь от знака к смыслу. Разница же состоит в том, что, когда теолог должен вынести оценку, он выходит за рамки не только «научного позитивизма», но и гуманитарной науки в широком смысле.

Иначе говоря, теологические дисциплины вполне отвечают критериям научности (по крайней мере гуманитарной) в смысле организации исследовательского процесса. Мы проводим конференции, у нас есть богословские школы и богословские издания (которые даже включаются в перечень ВАК). Но в то же время есть какие-то пределы, за которыми говорить о научности теологии уже сложнее и надо говорить скорее о ее специфике, которая подобна, скажем, специфике философии. Эта специфика связана прежде всего с богословской традицией. Здесь я соглашусь с Е.С. Элбакян: конечно, внеконфессионального богословия быть не может, потому что богословие всегда опирается на ту традицию, которая его породила, которая задает ему определенную нормативность. Привязанность к традиции — это первое ограничение.

Второе ограничение связано с опытом веры. Где граница между верующим историком или верующим филологом и — богословом? В какой момент С.С. Аверинцев начинает богословствовать и перестает быть филологом? Или в какой момент о. Иоанн Мейендорф становится богословом и перестает быть историком церкви? Судя по всему, богословие невозможно без некоего ре-

лигиозного опыта, и в этом смысле требовать от теологии строгой научности вряд ли возможно.

Таким образом, современное богословие — это своего рода кентавр. С одной стороны, оно вполне научно, а с другой стороны, у богословия есть такие особенности, которые не позволяют описать его в терминах научности без потери богословием самого себя. Но я думаю, что ничего страшного в этом нет — то же свойственно и философии как особому способу мышления.

Александр Кырлежев: Характерно, что мы с самого начала дискуссии не можем оставаться в рамках поставленной задачи — говорить о научности теологии без привязки к прагматике (это прозвучало в выступлении о. К. Польскова). Нынешний разговор о научности теологии тесно связан с вопросом о ее легализации и легитимации в научно-общественном пространстве. Или, точнее, — с вопросом о легитимации богословского дискурса после его полного вытеснения в советское время. И проблема состоит в том, что такие легализация и легитимация осуществляются через государственные органы, регулирующие науку и образование.

Если же говорить о научности, то нужно вводить некоторые критерии. Кто-то ограничится тремя критериями, Элбакян предложила гораздо больше. Кто-то стоит на жесткой позитивистской позиции, а кто-то учитывает и другие факторы, связанные с самопониманием науки. Это значит, что у нас нет консенсуса относительно критериев научности, которые подходили бы ко всем признанным наукам — за пределами естествознания. Поэтому мне представляется, что научность — это прежде всего *конвенция*, то есть некое согласие участников научного процесса относительно того, что такое наука и что такое не-наука. И таких конвенций несколько. Внутри институционально оформленного научного сообщества существуют разные конвенции в естественных науках и в гуманитарно-общественных науках. Кроме того, эти конвенции меняются диахронически (скажем, в смысле «научных революций» Т. Куна). И сама научная революция в собственном смысле, которая привела к возникновению современной науки, была процессом трансформации *конвенции о научности*.

Теперь про теологию. Говорить про «теологию вообще» нельзя. Когда речь идет о том, чтобы вписаться в гуманитарную конвенцию о научности, имеются в виду прежде всего те специальные дисциплины, которые К. Польсков назвал «церковными науками». Эти дисциплины вполне вписываются в науку по ряду фор-

мальных критериев. Но при этом в них есть и то самое «богословское третье», которое уже выходит за пределы научности как процедуры. И здесь я бы выступил как раз против «научности богословия». Точнее, против попыток втиснуть богословие в рамки так называемой «нормальной науки», которая есть вещь очень скучная. Она предполагает производство бесконечного количества наукообразных, то есть созданных по формальным правилам, текстов, которые являются не более чем «текстами о текстах». По большей части это вполне экстенсивная деятельность.

Важнее, на мой взгляд, то, что теология подобна философии, где есть историки философии, а есть собственно философы. За границами истории философии как гуманитарной науки философия — не наука в строгом смысле, хотя институционально она и вписана в научное пространство. Творческое, профетическое философское мышление выходит за пределы рутины научных исследований. И точно так же богословие в качестве особого типа мышления не может быть научным в смысле формы и процедуры. Но, как и философия, оно может быть вписано в «науку» институционально — в соответствии с некоей конвенцией. Пока такой конвенции у нас нет, но, судя по всему, о ней и идет речь, когда мы говорим о признании за теологией научного статуса.

Ольга Васильева: Меня как историка всегда интересует вопрос о том, как в разных университетах ранжируются специальности. Когда лет десять назад я была в Тринити-колледж, в Оксфорде, я получила такой ответ: на первом месте — теология, на втором — классическая английская литература, далее право и все остальное. И когда я спросила, почему теология стоит на первом месте, последовал краткий, но ясный ответ: «Если мы научим теологии, то мы научим всему». Я бы сказала, что теология — это мировоззренческая наука.

Что касается истории, то у нее, безусловно, есть научные критерии. История имеет дело с фактами, так же как с фактами имеет дело естествоиспытатель. Но при этом любой исторический факт каким-то образом трактуется, интерпретируется. До недавнего времени у нас было 216 учебников по истории XX века, и в них известные нам факты подавались по-разному. Потому что каждый исторический факт, который по существу является объективным, в интерпретации историка становится «субъективным» в том смысле, что трактуется в рамках той мировоззренческой позиции, которую занимает ученый. Причинно-следственные свя-

зи, безусловно, есть, но история — это наука мировоззренческая. Я думаю, что то же самое свойственно и теологии, которая опирается на общее мировоззрение верующих людей, всей церкви, даже если при этом использует современное научно-гуманитарное знание.

Аскольд Иванчик: Вопрос о присутствии теологических факультетов и теологических дисциплин в университете и в науке вообще — это вопрос прежде всего исторический, то есть связанный с традицией. И у каждой страны — своя традиция. Исторически вся наука — не только гуманитарная, но и естественная — выросла из богословия. Средневековые университеты создавались именно как богословские школы. И сегодня, по традиции, в германских и англо-саксонских университетах существуют теологические факультеты, которые играют большую роль. Во Франции, наоборот, после Революции и законов о светскости (*laïcité*) — очень строгое разделение: ни в одном государственном университете теологии быть не может. Только в университете Страсбурга есть теологические факультеты — католический и протестантский, и объясняется это тем, что Эльзас и Лотарингия стали частью Франции после Первой мировой войны, и Франция отчасти сохранила там немецкие законы и правила, сделав, в частности, некоторые исключения из законов о светскости. В русской традиции в первых университетах теологических факультетов не было — ни в Московском, ни в Петербургском; не было их и в основанных позже императорских университетах, кроме тех, что были предназначены для инославных (Дерптский — для немцев-протестантов, следовавших обыкновению немецких университетов). Это была принципиальная позиция, потому что теология относилась к духовным академиям. То есть в российской традиции и до революции, и сейчас существует параллельная система богословских степеней, и, на мой взгляд, это прекрасная система.

Когда мы говорим о теологии, то существенное различие с гуманитарными науками состоит не в объекте исследования, а в том, что теологом может быть только человек, относящийся к определенной конфессии. Здесь я согласен с Е.С. Элбакян и с К. Польсковым: внеконфессиональная теология — это нонсенс. Трудно представить себе, например, дискуссию о теологических проблемах между шаманистом и католиком.

По поводу истории: конечно, история — это наука. Что бы ни говорили некоторые представители естественных наук, счи-

тающие, что гуманитарные науки — это не науки. Если историк подкрепляет свои высказывания историческими источниками, то он занимается именно наукой. А те, кто позволяют себе не основанную на источниках болтовню на исторические темы, находятся вне истории как науки.

Теология является наукой по своим историческим заслугам, потому что сама наука выросла из теологии. Но это наука особая, которая отличается от всех остальных наук тем, что ее предмет покрывает всё — все остальные науки, и которая отличается от них взглядом на мир. При этом бессмысленно говорить об одной теологии — нужно говорить о «православной теологии», «католической теологии», «исламской теологии». Так, сегодня в Тюбингенском университете есть три теологических факультета: католический, протестантский и исламский.

Александр Кырлежев: Реплика относительно предыдущего высказывания. Несмотря на то что в российской дореволюционной практике не было богословских факультетов, надо отметить, что среди членов Императорской академии наук были и богословы, представляющие церковную науку, — историки и специалисты по каноническому праву. Действительно, только представители этих церковно-богословских дисциплин, но тем самым они выходили из собственно духовно-академического пространства в пространство общенаучное.

Кроме того, не вся теология конфессиональна. В христианском контексте есть и другая — так называемое «экуменическое богословие». Это очень интересный феномен: собираются представители разных конфессий и создают совершенно новый дискурс, который не совпадает ни с одним из конфессиональных дискурсов.

Светлана Коначева[1]: Прежде всего, надо сказать, что наука как теоретическая установка — это европейский феномен (вспомним «Кризис европейских наук» Эдмунда Гуссерля), и говорить о теологии как науке можно только как о европейском явлении, имея в виду то, что складывается в контексте диалога иудео-христианской традиции с европейской философией науки.

Что касается критериев научности, то, вне всякого сомнения, они зависят от способов философского мышления. Элбакян ре-

1. Выступление подготовлено при поддержке гранта РГНФ 15-03-00802 «Эстетизация и событийность в современной феноменологии».

презентирует позитивистский дискурс, и под предложенные ею критерии научности вполне может подпадать то, что традиционно называется исторической теологией. Например, библеистика, патрология и иные, так сказать, конкретные теологические науки. Здесь методы, с определенными корректировками, ничем не отличаются от тех наук, которые связаны с введением герменевтической проблематики и дильтеевским разделением на Naturwissenschaften и Geisteswissenschaften — «науки о природе» и «науки о духе». В «науках о духе» речь идет не об обобщении частных явлений в попытке вывести объективные общие законы, а об индивидуальном и неповторимом; здесь методом становится не объяснение, а переживание, понимание и интерпретация. Всякая интерпретация включает в себя определенные допущения и представления, обусловленные предшествующим жизненным отношением к вещам. Эти допущения не должны заранее определять результаты, они касаются метода, способа постановки вопроса. Интерпретация предполагает предпонимание как открытие горизонта вопросов, в котором понимание возможно. Из интереса к предмету возникает тот или иной способ постановки вопросов, то, на что направлено спрашивание. Если мы этого не принимаем, тогда все гуманитарные науки — не науки. Так же и историк, наверное, не может элиминировать свои предварительные вопрошания, заданные вот этим самым «жизненным миром», «жизненным интересом». Другое дело, насколько эти предварительные жизненные интересы отрефлексированы самим исследователем и насколько они им учитываются.

Я бы хотела поддержать А.И. Кырлежева в том, что надо выделять так называемую систематическую теологию. Как мы знаем, начиная с IV в. под «теологией» понималось учение о Троице, то есть собственно учение о Боге (даже учение о действиях Бога к «теологии» не относилось). Лишь позднее, в схоластике, слово теология стало употребляться в более широком смысле — как христианское учение в целом. Как есть «история философии», в рамках которой защищаются диссертации, и есть собственно «философия», точно так же, наверное, можно защищать диссертации по антропологии апостола Павла и невозможно защищать в качестве диссертации, скажем, «Идол и дистанцию» Жана-Люка Мариона. Хайдеггер будет защищать диссертацию «Учение Дунса Скота о категориях и значении» и не будет защищать в качестве диссертации «Бытие и время», потому что это

совершенно разные задачи. В рамках борьбы за признание, к которому направлены все наши научные степени, речь идет о том, что мы демонстрируем знания и умения интерпретировать какие-то фрагменты традиции, не более того. И здесь работают все критерии научности. Но как только речь идет о чем-то другом и начинается самое интересное, то здесь теология, конечно, в наибольшей степени сближается с философией. Я имею в виду философию определенного направления — феноменологически-герменевтического. Все мы помним знаменитые слова Хайдеггера: «Наука не мыслит». В этом смысле философия — не наука именно потому, что она мыслит. Здесь речь идет не о рационально-рассчитывающих методах, не о схватывании, обусловленном структурами познающего субъекта, а о неких путях, на которых нечто сказывается для нас и мы даем чему-то сказываться. И тогда теология — это не наука о Боге, а дело мышления, обращенного к сфере божественного. Например, Хайдеггер совершенно определенно скажет, что «теология не есть спекулятивное богопознание», ровно в той же мере, в какой философия не является спекулятивным знанием о бытии, предполагающим, что мы скажем: «Бытие — это то-то». Как философы мы никогда этого не скажем, мы не будем давать бытию определения. И в этом смысле Бог — это не такой предмет теологии, которому можно дать определение.

В то же время, если теология — это наука о вере как об определенном способе существования, тогда можно сказать, что она становится «наукой» о способах данности Бога. Такая наука возможна, если, с одной стороны, у нас есть феноменальная почва под ногами, а с другой стороны, если мы действительно можем расширять сферу опыта; то есть когда опыт не ограничивается исключительно внешним эмпирическим опытом и вместе с тем не ограничивается сферой созерцания, интенциональными структурами субъекта. Вот в этой промежуточной сфере мы действительно можем говорить о способе данности Бога. Даже если тема, которой теолог посвящает свою мысль, никогда не является феноменом в строгом смысле, экзистенциальным феноменом является — благодаря Откровению, самораскрытию Бога, воплощению во Христе — то, что совершает Бог в человеке. Только на этой основе вообще можно говорить о Боге. Здесь теолог способен указать на феномены, экзистенциальные свидетельства: существует прощение, существует свобода, существуют вера, надежда и любовь, все это указывает на некоторую специфическую «другую

сторону», на живую основу нашего существования, своего «адресующего адресата».

Относительно конфессиональности теологии. С одной стороны, если теология — это наука о вере, то, безусловно, причастность к религиозной вере — это причастность к определенному сообществу. Но, с другой стороны, мы действительно видим сейчас и внеконфессиональную теологию, и совсем не только в форме экуменической теологии. Возьмем такие современные теологические тексты, как: «Бог после метафизики» Джона П. Манусакиса, «Существование Бога» Ричарда Суинберна, «Идол и дистанция» Ж.-Л. Мариона, «Слабость Бога: Теология события» Джона Капуто. Автор может быть православным или католиком, но присутствует ли в тексте конфессиональная принадлежность? Или речь идет о принадлежности к определенной богословской школе как стилю или способу мышления? Текст Суинберна фундирован аналитическим способом мышления; тексты Мариона и Манусакиса фундированы постфеноменологическим способом мышления; а у Капуто — деконструктивистский текст. Эти примеры показывают, что сегодня теология не обязательно фундирована конфессионально и что в данном случае скорее надо говорить именно об определенном способе мышления.

Дмитрий Узланер: Можно ли сказать, что теология, если пытаться поместить ее в контекст гуманитарного знания, — ближе всего к философии? Что в теологии, с одной стороны, есть пространство, которое не определяется научными критериями, а, с другой стороны, есть конкретные дисциплины, которые соответствуют критериям научности? Точно так же, как в философии: есть философия как свободное мышление, и есть наука «история философии».

Светлана Коначева: Именно так. Но это не означает, что в теологии или философии, которые выходят за формальные пределы науки, нет строгости или методичности мышления. Скажем, «Бытие и время» Хайдеггера — это пример строгого аналитического мышления, которое стремится к выражению мыслимого предмета. В нем видна работа мышления, у которой есть свои законы и критерии. Точно так же в случае теологических текстов. Христианской теологии особенно необходима методологическая строгость и дисциплина мышления. В противном случае она делается для мыслящих современников недостоверной, как

«болтовня о неподконтрольном». Но выход за рамки спекуляций и субъект-объектных схем, подлинное соответствие своему предмету не означают следование критериям естественных и даже конкретных гуманитарных наук.

Александр Кырлежев: Я бы хотел обратить внимание на то, что, скажем, в XIX веке в немецком пространстве, когда говорили о научности, имели в виду как раз связность, соответствие логике, убедительность, доказательность. Философы, занимаясь философскими проблемами, считали, что занимаются именно наукой. Это, кстати, касается и русской философии. Соответственно, и теология такого типа понимала себя как науку. Но потом это ушло.

Светлана Коначева: Вопрос, когда это начало уходить. Уже у Шлейермахера в «Речах о религии к образованным людям, ее презирающим» (на рубеже XVIII и XIX веков) речь идет о том, что религия не объясняет мир, что это не метафизика, не этика, а что-то другое: религиозное чувство. То есть, с одной стороны, мы действительно видим в той же германской традиции университетскую теологию, которая апеллирует в том числе к рациональности, к критериям научности, а с другой стороны, постоянно звучит напоминание о том, что в теологии речь идет о каком-то другом опыте, который принципиально меняет саму диспозицию субъект-объектной схемы, где человек соприкасается с глубинной основой универсума в самой основе личности. Неслучайно Шлейермахер подчеркивает: «Мера знания не есть мера благочестия». И постепенно вслед за ним начинает формироваться основное требование к пониманию сущности религии и всех религиозных феноменов: религиозный опыт не может оцениваться на основании внерелигиозных или научных критериев, но только во взаимосвязи со смысловыми элементами, содержащимися в самом религиозном сознании и согласно его собственным критериям.

Владислав Раздъяконов: Все же так много наговорено вокруг этой проблемы, и все без особого толку. Стороны еще раз озвучили свои позиции, я еще раз убедился в союзе современных «гуманитариев» и «теологов». Обе эти условные группы в равной степени исходят в своих реконструкциях прошлого из мышления изучаемого субъекта. Люди, смеющие претендовать на уни-

версальную объективность в своих суждениях, в равной степени осуждаются и теми и другими. Ничего хорошего аналитическому религиоведению такой подход не сулит. Когда-то, кажется, Витгенштейн заявил Расселу, что все, написанное в его диссертации, — это истина, от первой до последней строчки. И только с таким отношением к делу он мог в принципе выходить на ее защиту. Теперь же шаг боишься ступить, не сказав предварительно, насколько ты в своих суждениях ограничен собственными ценностными установками. И, конечно, они присутствуют, когда совершенно разные люди называют себя одним и тем же словом — религиоведы. Давайте честно признаем, что кто-то из них все же религиоведом не является, и попробуем выяснить, кто из них сам ввел себя в заблуждение.

Можно, конечно, составить карту этих ценностных установок. Их много, но основных, на мой взгляд, две. Условно, с одной стороны, у нас — Кант, специфически воспринятый современной гуманитарной мыслью, ищущей способы защитить субъекта. Здесь главные инструменты — язык, культура, то есть все то, что отделяет один народ от другого, одно сообщество от другого. Это целая традиция, многих представителей которой уже вспомнили: Шлейермахер, Кант, Дильтей, Хайдеггер, Витгенштейн... А с другой стороны — Конт, который известно, чем закончил, но прежде создал, по сути, первую философию науки. Здесь главное послание — возможность понять реальность такой, какая она есть на самом деле; установка, без которой познание в принципе становится невозможным, превращаясь в какой-то калейдоскоп мировоззрений и мнений.

Что касается исторических учебников, то я в данном случае солидарен с позицией Аскольда Иванчика, указавшего на значение источников. Гуманитарии — не просто специалисты, разбирающиеся в тонкостях чужих мировоззрений; это ученые, имеющие дело с историческими фактами. Можно не любить слово факт, но сила факта остается неизменной для любого, кто когда-нибудь сталкивался с реальностью в том или ином виде. Перед яркостью отдельных фактов любые учебники блекнут, как какие-то затемненные фотографии прошлого! Любой учебник по истории — это, в конечном счете, идеология (хотя, может быть, и необходимая). Но реальная наука содержится в научных исследованиях, в конкретной архивной и полевой работе.

Хочу также заметить, что сама дискуссия мне представляется бессодержательной. Научность теологии в принципе может

быть установлена, если мы переведем разговор в более конкретное русло. Ведь у каждого из нас есть какое-то специфически свое понимание теологии и науки. Надо выйти на более ясный уровень — например, на уровень философии науки или, еще лучше, эпистемологии — и посмотреть на конкретные аргументы, которые используются социальными конструктивистами в критике претензий научного знания на объективность. Именно эти идеи здесь были озвучены, и не до конца понятно, кто вынужден оправдываться — теология или наука.

Конечно, формально теология — это наука, ведь у нас теперь есть соответствующий закон. А с другой стороны, теология — не наука, поскольку она вводит то, что в подлинной науке всегда выводилось за скобки: она вводит Бога, и вводит не просто как часть онтологии. Она вводит специфическое понимание Бога в мышлении, отраженное в соответствующих текстах ортодоксии. Цель теолога — рассуждать об отношении Бога, человека и природы. Подлинные же и окончательные цели науки известны: это самопознание, познание Природы и познание Другого.

Константин Польсков: Относительно позитивизма. Неужели сегодня найдется гуманитарий, который будет настаивать на необходимости верификации, как это было в середине XX века? Из предложенных Е.С. Элбакян критериев остаются практически все остальные. Но верификация и фальсификация — это вопрос, над которым надо думать. Что такое верификация в богословии? Она есть, но она другая, чем в естественных науках. Элбакян говорит: «Можно ли прибавить что-то к Символу веру?» К Никейскому прибавили, и получился Никео-Цареградский; потом католики еще прибавили, и получилось еще одно исповедание. А принципы объективности, рациональности, методичности, истинности, системности вполне подходят к богословию. Принцип же аксиологической нейтральности, думаю, не работает и в религиоведении. Я очень люблю религиоведов, но я не верю в их стопроцентную аксиологическую нейтральность.

У богословия две задачи — внутренняя и внешняя. Внутренняя: богословие должно на языке современной культуры транслировать вечные ценности, которые оно транслирует уже две тысячи лет. Внешняя: богословие должно быть мостом, как сказал Бернар Лонерган, между культурой и верующим сообществом.

Богословие всегда оценивает явления с точки зрения нормативной традиции и говорит, насколько то или иное явление соответствует понимаемому традицией вектору спасения. Этим богословие всегда занималось и будет заниматься.

Относительно исторических аспектов. Как попало богословие в Страсбург, мы знаем. Но и в Российской империи был университет, где присутствовало богословие, а в 1918 году ученые советы двух старейших российских университетов, Петербургского и Казанского, приняли решение о включении в свой состав на правах факультетов соответствующих духовных академий, в то время уже подвергавшихся гонениям. Всем понятно, почему эти решения не реализовались.

Николай Гринцер: В терминах, которые здесь применяются, я, конечно, на позитивистской стороне. Дискуссия идет по принципу: есть ли какие-то критерии или всякие критерии условны. Я думаю, что надо быть на той стороне, где эти критерии есть, хотя прекрасно понимаю, что разговоры о научной истине, о системе аргументации и проч. могут подвергаться сомнению.

Попытаюсь сформулировать максимально просто. Есть два феномена: один условно называется «наукой», а другой — «теологией». Представим себе, что мы имеем дело с «черными ящиками» (что уместно, поскольку мы не можем определить эти явления). Нам надо сравнить, одинаковы ли эти «ящики» или нет, оценив, что мы имеем на входе и что — на выходе. На выходе отличие есть — как сказал К. Польсков, богословие в системе оценок, в системе конечного результата отличается от того, что называется наукой. На входе также есть различие. Для того чтобы войти в «черный ящик» науки, не существует закрепленного, максимально формализованного требования — сколько бы мы ни говорили о мировоззренческих установках, о выборе научной школы, конкретного университета и проч. Грубо говоря, для того, чтобы быть филологом, надо уметь читать и еще кое-что знать, без ограничений мировоззренческого характера. В теологии же на входе присутствует доктрина; более того, как было сказано, внеконфессиональной теологии не существует. Можно ли представить богослова, приходящего в науку и защищающего диссертацию по научной дисциплине, что, собственно, и проделали все члены Императорской академии, которые были богословами? Да, можно. Но в обратном случае нужно соответствовать дополнительному критерию — принадлежать конфессии. Поэто-

му, как мне кажется, любая наука, позитивистская или нет, скажет, что эти два «черных ящика» — разные. Хотя при этом можно говорить, что это — разные «науки».

Борис Кнорре: Мне кажется, что, если говорить об особенностях теологии как науки, нужно учитывать то, что сегодня называется «множественными современностями». Существуют разные интерпретаторские традиции, которые стремятся институциализировать свой метод, и религиозные конфессии также имеют право на институциализацию своего взгляда на мир. Кроме того, определять соответствие новых теологических направлений (таких, как «теология освобождения» или «теология процветания») конкретной конфессиональной традиции — это скорее задача именно теологов, а не религиоведов.

Если теология обретает легитимность в светском научно-экспертном пространстве, то это позволяет легитимировать определенные богословские мнения без оглядки на церковное начальство, которое в значительной степени зависит от политического контекста. То есть новая институциональная форма присутствия теологии дает возможность оспаривать монополию священноначалия в разных вопросах, в особенности в вопросе отношения церкви к миру, где священноначалие часто старается либо обходить проблемы стороной, либо следовать той точке зрения, которая обусловлена ситуативным политическим контекстом. Например, в то время как священноначалие предпочитает обходить «острые углы», чтобы не провоцировать разного рода фундаменталистские группы на недовольство, часть этих групп продолжают богословствовать. Это богословствование нередко радикализируется и выливается в буквалистское прочтение священных текстов, в разработку своего рода «богословия войны». Ни для кого не секрет, насколько в нашей церковной среде до сих пор сильны теории заговора, идеи внешнего противостояния гиперболизированному врагу.

По той причине, что наша церковь на протяжении 70 лет была законсервирована, выведена из процесса культурно-общественного развития, в ней оказалась утрачена та культура дискуссий, которая была до революции. Хотя православию и на глобальном уровне также не хватает культуры самокритики. Это отмечал прот. Александр Шмеман, когда говорил, что «трагизм православной истории видят всегда в торжестве внешнего зла: преследований, турецкого ига, измены интеллигенции, большевизма. Никогда —

во “внутри”»[2]. Светская институциализация теологии как раз может помочь привнести эту самокритику в православную традицию, а преподавание теологии в светских вузах — способствовать гуманизации церковных неофитов. Конечно, есть опасность, что теология может подвергнуться идеологизации, что она будет использована в качестве ширмы для преподавания какой-нибудь квазиправославной националистической идеологии, но опасность искажения какого бы то ни было явления не отменяет потребность в самом явлении.

Андрей Шишков: Я бы хотел затронуть вопрос об ортодоксии. Принято считать, что в науке нет никакой догматики и нельзя говорить об ортодоксии в том смысле, в котором о ней говорят применительно к религии. Однако социология научного знания говорит о том, что в рамках отдельных научных школ формируется своеобразная ортодоксия и, соответственно, есть и «еретики». Другое дело, что в науке есть пространство для альтернативной мысли, и можно сформировать свою научную школу или уйти в другую.

Если говорить о том, что современная теология не строго конфессиональна и делится на богословские школы, связанные с особым образом мышления, то мы и в богословии можем наблюдать нечто подобное научным школам. Так, например, в Московской духовной академии ведутся христологические споры, то есть существуют две научно-богословские школы, по-разному интерпретирующие вероучительную ортодоксию. А в современной христианской теологии в целом набор стратегий теологической мысли настолько широк, что говорить о строгой, однозначной ортодоксии вряд ли возможно. При этом мы, конечно, должны различать ортодоксию, защищаемую институциональной церковной иерархией, и те интерпретации ортодоксии, которые предлагают индивидуальные богословы, не связанные с властными церковными инстанциями.

Александр Кырлежев: На мой взгляд, предложенный образ с двумя «черными ящиками» очень продуктивен, поскольку он подчеркивает тот факт, что богословие нельзя втиснуть в прокрустово ложе научности. Любую теологию, как в традиционных, так

2. *Шмеман А., прот.* Дневники. 1973-1983. М., 2005. С. 108.

и в современных ее формах, неправомерно мерить критериями современной науки. Точно так же, как и философию.

Поэтому главный вопрос — это вопрос не столько об абстрактной научности теологии, сколько именно о ее институциализации. Такая институциализация нужна для того, чтобы написать диссертацию; но диссертация — это лишь завершение образования. Как и в философии, о чем было сказано: Хайдеггер защитил диссертацию, чтобы получить степень, а «Бытие и время» — это уже не наука. Хотя этот ненаучный текст затем становится материалом для последующих научных исследований.

Иначе говоря, вопрос о научности теологии — прежде всего организационный и, я бы сказал, рутинный: теологу надо принадлежать к научному сообществу, чтобы его взяли на работу в университет, а потом дали надбавку к зарплате, когда защитит докторскую... И надо соблюдать наукообразность — только тогда теолога признают членом научного сообщества, а не приблудным фантазером.

Но главное, что препятствует признанию научности теологии, — это именно та принципиально позитивистская установка, о которой говорит в своем интервью Е.С. Элбакян. И никакая квантовая механика этой установки не изменяет по существу. Суть этой установки заключается в том, что современная наука как таковая имеет дело только с некоторой имманентной объективной реальностью — будь то мир-космос или мир-социум — и изучает ее внутренние, имманентные, структуры и закономерности. И при всех различиях между «науками о природе» и «науками о духе», гуманитаристика как часть общенаучного комплекса, возглавляемого естествознанием, не может отказаться от этой общенаучной позитивистской установки. Гуманитарно-общественные науки все равно изучают то, что существует *само по себе*, то есть в принципе от нас не зависит. Иначе это — не наука.

В этом смысле христианская теология — если и наука, то принципиально антинаучная и антипозитивистская по своей установке, которая хотя и может иногда загонять себя в прокрустово ложе научности, но всегда находится в оппозиции к главному — объективистскому — пафосу современной науки.